

И 39 / 506

2218

Молодые цветы

Сборникъ
стихотвореній
и
разказовъ.

В. Финава

И. Бунина.

Изданіе Т. Д. С. Курнина и К^о, Москва.

5
0
6

2218
фб

У 39
506

И. А. Бунинъ.

810-87
538-0

Б92

ПОЛЕВЫЕ ЦВѢТЫ.

СБОРНИКЪ

СТИХОТВОРЕНІЙ И РАЗСКАЗОВЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., соб. д.
1901.

1918
80/161
90

Дозволено цензурою. Москва, 29 сентября 1901 г.

915448-93.

Полевые цвѣты

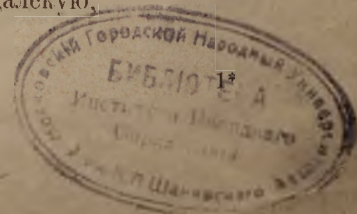
Въ блескѣ огней за зеркаль-
ными стеклами
Пышно цвѣтутъ дорогіе цвѣты,
Нѣжны и сладки ихъ тонкіе запахи.
Листья и стебли полны красоты.
Ихъ возрастили въ теплицахъ
заботливо.

Ихъ привезли изъ-за синихъ морей;
Ихъ не пугаютъ метели холодныя.
Бурная грозы и свѣжесть ночей...

Есть на поляхъ моей родины скромныя
Сестры и братья заморскихъ цвѣтовъ:
Ихъ возрастила весна благовонная
Въ зелени майской лѣсовъ и луговъ.

Видятъ они не теплицы зеркальныя.
А небосклона просторъ голубой.
Видятъ они не огни, а таинственный
Вѣчныхъ созвѣздій узоръ золотой;

Вѣтъ отъ нихъ красотою стыдливою,
Сердцу и взору родные они,
И говорятъ мнѣ про юность далекую,
Юныя грезы и свѣтлые дни.

Ангелъ.

Въ вечерній часъ, надъ степью мирной,
Когда закатъ надъ ней сіялъ,
Среди небесъ стезей ээирной
Вечерній ангелъ пролеталъ.

Онъ видѣлъ сумракъ предзакатный,—
Уже синѣлъ вдали востокъ,—
И вдругъ услышалъ онъ невнятный
Во ржахъ ребенка голосокъ.

Онъ шель, колосья собирая,
Сплеталъ вѣнокъ и пѣлъ втиши,
И были въ пѣснѣ звуки рая,—
Невинной, неземной души.

«Дитя!—сказалъ посланникъ Бога,
И грусть и радость затая,—
«Куда ведетъ твоя дорога,
И гдѣ сложилась пѣснь твоя?»

Ребенка взоръ былъ чистъ и свѣтелъ,
Но опъ въ смущеніи стоялъ.
«Не знаю»... робко онъ отвѣтилъ
И, улыбаясь, замолчалъ.

«Благослови меньшого брата,—
Сказалъ Господь.—«Благослови
Младенца въ тихій часъ заката
На путь и правды и любви!»

И ангелъ съ свѣтлою улыбкой
Ребенка тихо осѣнилъ,
И на закатъ лучисто-зыбкій
Поднялся въ блескѣ вѣжныхъ крыль.

И, точно крылья золотыя,
Заря пылала въ вышинѣ,
И долго очи молодыя
За ней слѣдили въ тишинѣ!

Псаломъ жизни.

Генри Лонгфелло.

Не тверди въ строфахъ унылыхъ:
«Жизнь есть сонъ пустой!» — Въ комъ спить
Духъ живой, — тотъ духомъ умерь...
Въ жизни высшій смыслъ сокрытъ.

Жизнь не грезы! Жизнь есть подвигъ!
И умереть не духъ, а плоть.
«Прахъ еси — и въ прахъ вернешься». —
Не о духъ рекъ Господь.

Не печаль и не блаженство
Жизни цѣль. Она зоветъ
Насъ къ труду, въ которомъ бодро
Мы должны итти впередъ.

Путь далекъ, а время мчится...
Не теряй въ немъ ничего.
Помни, что бѣенье сердца —
Погребальный маршъ его!

На житейскомъ бранномъ полѣ,
На бивакѣ жизни будь
Не рабомъ, — а будь героемъ,
Закалившимъ въ битвахъ грудь.

Жизнь великихъ — призываетъ
Насъ къ великому итти,
Чтобъ въ пескахъ время остался
Слѣдъ и нашего пути.

Слѣдъ, что выведетъ, быть можетъ,
На дорогу и другихъ,
Заблудившихся, усталыхъ,
И пробудитъ бодрость въ нихъ.

Встань же смѣло на работу,
Отдавай всѣ силы ей —
И учись въ трудѣ упорномъ
Ждать прихода лучшихъ дней!

8

Послѣ половодья.

Прошли дожди, апрѣль теплѣть
Всю ночь—туманъ, а по утру
Весенній воздухъ точно мѣть
И мягкой дымкою синѣть
Въ далекихъ просѣкахъ въ бору.

И тихо дремлетъ боръ зеленый.
И въ серебрѣ лѣсныхъ озеръ—
Еще стройнѣй его колонны,
Еще свѣжѣ сосенъ кроны
И нѣжныхъ лиственницъ узоръ!

9

Родина.

Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Снится мнѣ приволье тихихъ деревень,
Въ полѣ при дорогѣ бѣлая береза,
Озимн да пашни—и апрѣльскій день.
Весело синѣть утреннее небо,
Легкой бѣлой зыбью облака плывутъ,
Важно грачъ гуляетъ за сохой на пашнѣ,
Парь блеститъ надъ пашней... А кругомъ поютъ
Жаворонки въ ясной вышинѣ воздушной
И на землю съ неба звонко трели льютъ.

*
* *

Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Дѣвухой-невѣстой снится мнѣ Весна:
Очи голубые, личико худое,
Стройный станъ высокій, русая коса.
Весело ей въ полѣ теплымъ яснымъ утромъ!
Милъ ей край родимый,—степь и тишина,
Милъ ей бѣдный сѣверъ, мирный трудъ крестьянскій,
И съ привѣтомъ смотреть на поля она:
На устахъ улыбка, а въ очахъ раздумье—
Юности и счастья первая весна!

Какая теплая и темная заря!
На дальнемъ западѣ кресты монастыря
И черные зубцы его стѣны старинной
Смѣшались съ сумракомъ за тихою долиной.
Несмѣло тамъ алѣлъ закатъ изъ-за лѣсовъ,
Дремотно прогудѣлъ звонъ башенныхъ часовъ —
И все покрыла ночь, беззвучная, нѣмая,
Молчаньемъ ласковымъ долины обнимая.

* *

Надъ садомъ облака, нахмурившись, стоятъ.
Весенней сыростью наполненъ старый садъ.
Бѣлѣть тускло прудъ за садомъ подъ горою.
И звѣзды изъ-за тучъ сверкаютъ въ немъ горою.
А въ чашахъ, гдѣ, сокрывъ весенніе цвѣты,
Склонились кущами зеленые кусты,—
И темъ, и теплота... Все дремлетъ и покорно
Ждетъ ливня шумнаго и бури животворной!

Майскій полдень.

Помнишь?—Съ грустнымъ шумомъ роица обжались
Въ липовой аллеѣ, на пескѣ сыромъ
Желтый листъ кружился, и всю ночь шептались
Тополы угрюмо подъ моимъ окномъ.
Все грустило тихой грустью одинокой,
Обнимала душу кроткая печаль..
Опустѣли дали, и поля широкой.
Мертвою пустыней уходили вдаль.
Бѣдная деревня, темныя равнины,
Голыя ракиты—все смущало взоръ..
Помнишь ли ты эти грустныя картины?
Помнишь ли безлюдный и нѣмой просторъ?

* * *

А теперь?—Взгляни, какъ эта даль синѣетъ,
Какъ сіяетъ небо ясной бирюзой!
Точно нѣжный бархатъ, поле зеленѣетъ,
Точно дымъ, прозрачны тучки надъ землей.
Ужъ въ тѣнистыхъ рощахъ, въ уголкахъ укромныхъ,
Выглянуль фіалки голубой цвѣтокъ,

Соловьи вернулись, и въ садахъ зеленыхъ
Тонетъ нашъ спокойный, мирный уголокъ.
Молодые листья вѣтерокъ колышетъ
И рябитъ на рѣчкѣ свѣтлыя струи...
Не грусти же, сердце!—Вся природа дышитъ
Новой, юной жизнью счастья и любви!

Первые ручьи.

Въ бѣломъ полѣ, на просторѣ,
Гдѣ въ пустой дали, какъ въ морѣ,
Безпріютно бродитъ взглядъ,
Все еще зимою вѣетъ,
Все подъ снѣгомъ цѣпенѣетъ,
И снѣга слюдой блестятъ.

Въ бѣломъ полѣ—сонъ глубокій...
Но взгляни: въ выси далекой
Ужъ лазурь небесъ ясна,
Ужъ сверкаетъ, пригрѣваетъ
Солнце съ полдня и сіяетъ
Даль полей: идетъ весна!

Въ бѣломъ полѣ—тишь нѣмая...
Но, молчанію внимая,
Слышу я: ручьи звенять!
Боже мой! Ужели снова
Время счастья золотого
И весну они сулятъ?

Затаивъ въ груди дыханье,
Жадно я ловлю журчанье,
И ручьи поютъ: «Весна!

Да, весна идет! Мы знаем,
Что журча мы пробуждаем
Степь отъ мертвеннаго сна.

«Въ бѣломъ полѣ—сонъ глубокий...
Но взгляни: вонъ одиноко
Жметса птичка подъ межой.

Это жаворонокъ вешній,
Милый гость страны не здѣшной,
Милый гость страны чужой!

«Въ бѣломъ полѣ—тишь нѣмая...
Но, журчанію внимаю,
Онъ глядитъ глазкомъ на насъ
И ему не страшно въ полѣ:
Близокъ радости и воли
Дорогой, завѣтный часъ!

«Какъ поетъ онъ въ полдень ясный
О своей странѣ прекрасной,
О веснѣ и теплыхъ дняхъ!
Какъ довърчиво глядится
Въ ручеекъ и какъ таится
Робко въ бурю на межахъ!

«Буря снѣгомъ насъ заноситъ,
Но опять для насъ приноситъ
Полдень солнце и тепло.
Намъ и робкой птичкѣ сладко
Пѣть весенній гимнъ украдкой...
Время темное прошло!

«Скоро, скоро наберемся
Новыхъ силъ мы и пробьемся
Изъ снѣговъ на Божій свѣтъ!
Бурны, мощны и широки
Будутъ полые потоки...
Не забудь же насъ, поэтъ!

«Въ дни весенняго разсвѣта
Вспомни насъ въ словахъ привѣта;
    Вспомни птичку на снѣгахъ;
Вспомни, какъ мы съ нею пѣли
Въ дни, когда еще метели
    Бушевали на поляхъ!»

Затаивъ въ груди дыханье,
Жадко я ловлю журчанье...
    Солнце грѣеть,—вѣтерокъ
Тихо вѣетъ и ласкаетъ
И съ ручьями напѣваетъ:
    «Вешній праздникъ не далекъ!»

А въ душѣ, какъ въ небѣ ясномъ
Въ хорѣ свѣтломъ и согласномъ,
    Грезы вешнія встаютъ
И ужъ шепчутъ мнѣ украдкой
Обо всемъ, о чемъ такъ сладко
    Ручейки въ снѣгу поютъ!

Лѣтняя картина. *

Тамъ, гдѣ тѣнистыми шатрами
Склонились ивы на затонъ,
Весь берегъ съ темными садами
Въ зеркальной влагѣ отраженъ.

Тамъ, гдѣ широкой мягкой тѣнью
Сокрыта въ зелени рѣка,
Все вѣетъ сладостною лѣнью,
Подъ тихій шопоть тростника.

Тамъ, отдыхая, сердце дремлетъ,
Когда закатъ горитъ въ огнѣ,
И чутко въ сонной тишинѣ
Вечернимъ лѣтнимъ звукамъ внемлетъ.

Полая вода.

Съ каждымъ днемъ синѣеть мягче
Даль оттаявшихъ полей,
Солнце въ небѣ свѣтитъ выше,
Воздухъ—легче и теплѣй.

Отъ черпьющихъ проталинъ
Влажный, сѣрый паръ идетъ,
Ярко блещутъ въ лужахъ воды,
Мокрый снѣгъ въ луга ползеть.

По лугамъ и по оврагамъ
Ужъ опять потокъ, клубясь,
Роетъ землю и въ каскадахъ
Вдаль уносится, рѣзвась.

Онъ гудитъ,—и какъ люблю я,
Посреди луговъ глухихъ,
Этотъ гулъ неясный, мѣрный,
Шумъ обваловъ снѣговыхъ!

Какъ мнѣ радостенъ немолчный
Въ ближней роцѣ гамъ грачей,

Ночи темныя, нѣмыя,
Долгій, грустный крикъ сычей!

Я во всемъ ловлю примѣты
Вешнихъ дней,— во всемъ душа
Чуетъ вновь, какъ въ Божьемъ мѣрѣ
Жизнь свѣтла и хороша.

На югѣ.

1. Утро.

Свѣтитъ въ горы небо голубое,
Молодое утро сходитъ съ горъ.
Далеко внизу—кайма прибоя,
А за ней—сяющій просторъ.

Съ высоты къ востоку смотрять горы,

Гдѣ за нѣжно-млечной синевой
Тають въ морѣ бѣлые узоры
Отдаленной цѣпи снѣговой.

И въ дали таинственной и зыбкой
Изъ-за горъ восходитъ солнца свѣтъ—
Точно горы свѣтлою улыбкой
Отвѣчаютъ братьямъ на привѣтъ.

2. У залива.

Надъ моремъ дремлютъ, зеленѣютъ
Межъ скалъ цвѣтущіе сады.
Лучи полдневные ихъ грѣютъ,
Имъ слышенъ тихій плескъ воды.
Здѣсь даже зимнею порою
Среди и лавровъ и оливокъ,

Подъ неприступною горою
Стоитъ, какъ зеркало, заливъ.
Въ затишьи расцвѣтаютъ розы
И кипарисъ въ полдневный зной
Внимаетъ, погруженный въ грезы,
Какъ говоритъ волна съ волной,
И смотреть вдаль, гдѣ, утопая
Въ лазурномъ морѣ, паруса
На солнцѣ искрятся, сверкая.
И точно манять въ небеса.

3. Вечеръ.

Свѣтитъ алымъ свѣтомъ,
Свѣтитъ, догорая,
Далеко за моремъ
Полоса зари.

Каждый день съ закатомъ
Прихожу я къ морю,
Каждый вечеръ вижу,
Какъ, бѣля, меркнуть
Въ морѣ паруса.

И знакомой грустью
Сладко сердце ноетъ:
Мнится мнѣ, что снова
Бду я проселкомъ
По роднымъ степямъ—

И закатъ далекій
Долго-долго свѣтитъ
Надъ стемнѣвшимъ моремъ
Зрѣющихъ хлѣбовъ!

Въ селѣ.

Вечерняя заря за лѣсомъ
догораетъ,
Вечерній мягкій свѣтъ
алѣетъ на поляхъ;

Какъ золото, рѣка среди луговъ сверкаетъ,
Какъ золото, блеститъ въ зеленыхъ ка-
мышкахъ...

Чуть вѣтъ вѣтерокъ, чуть нива шевелится,
А лѣсъ уже затихъ,—зеленый, темный лѣсъ...
И вотъ ужъ на поля съ востока тѣнь ложится,
И гаснутъ облака подъ куполомъ небесъ.
Молчаніе и сонъ природу обнимаетъ,
Туманъ встаетъ въ лугахъ, прохладный и сырой;
Погасли огоньки,—деревня засыпаетъ;
Лишь свѣтится окно въ часовнѣ подъ горой.

* * *

Вечерній полумракъ мнѣ навѣваетъ грезы
О дальнихъ дѣтскихъ дняхъ, когда въ душѣ моей,
Далекой отъ заботъ и повседневной прозы,
Любовь къ роднымъ полямъ была еще живѣй.

Вечерній полумрак мнѣ возвращаетъ счастье
Жить свѣтлою мечтой въ глубокой тишинѣ
И чувствовать полнѣй и нѣжнѣе и участие
Къ безмолвнымъ горестямъ въ родимой сторонѣ.
И снова душу мнѣ, какъ въ дѣтствѣ, обнимаетъ
Любовь ко всѣмъ, кто сирь, кто обдѣленъ судьбой,
И свѣтлая печаль въ душѣ моей мерцаетъ,
Какъ тихій огонекъ въ часовнѣ подъ горой.

На Донцѣ.

О Донче! не мало ти величія, ле-
лѣявшу князя на влѣнахъ стлавшу
ему зелену траву на свои серебря-
ныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми
мѣглами!..

Сл. о Пл. Иг.

I.

Шляхъ отъ Путивля къ Донцу, къ древнему мона-
стырю на Святыхъ Горахъ пролегаетъ на юго-востокъ,
на Азовскія степи...

Раннимъ утромъ великой субботы я былъ уже подъ
Славянскомъ. Но до Святыхъ Горъ оставалось еще верстъ
двадцать, и нужно было идти поспѣшно. Этотъ день мнѣ
хотѣлось провести въ обители.

Подъ Славянскомъ я свернулъ къ востоку, и впе-
реди разстилалось теперь пустынное сѣрое поле. Одинъ
сторожевой курганъ стоялъ вдалькѣ и, казалось, зорко
глядѣлъ на равнины. Къ тому же, съ утра въ степи
было по весеннему пусто, холодно и вѣтрено; вѣтеръ
просушивалъ колеи грязной дороги и уныло шуршалъ
прошлогоднимъ бурьяномъ. Но за мною, на западѣ, кар-
тинно рисовалась въ необозримой дали гряда мѣловыхъ
плоскоторій. Темнѣя пятнами лѣсовъ, какъ старинное,
тусклое серебро чернью, она заворачивала къ югу и

тонула въ голубомъ утреннемъ туманѣ. И вздохнувъ полной грудью на этомъ просторѣ, я опять ускорялъ шаги. На ходу я разогрѣлся и шелъ легко и быстро. Вѣтеръ дулъ навстрѣчу, холодилъ лицо и забирался въ рукава одежды, но даже вѣтеръ и сѣрый колоритъ полей прибавляли силы и крѣпости. Степь увлекала и завладевала настроеніемъ... одинопчество, жажда новыхъ впечатлѣній—все наполняло душу чувствомъ молодости и свѣжести. А когда я подошелъ къ кургану и поднявшійся орелъ вдругъ взмахнулъ надъ нимъ своими большими крыльями, я чуть не вскрикнулъ отъ радостнаго испуга!

Какъ забытый свѣтлостальной щитъ, блеснула за курганомъ круглая ложбинка, налитая весенней водою. Я тотчасъ свернулъ къ ней на отдыхъ. Есть что-то чистое и веселое въ этихъ полевыхъ апрѣльскихъ болотцахъ; надъ ними вьются звонкоголосые чибисы, сѣренькія трясогузки щеголевато и легко перебѣгаютъ по ихъ бережкамъ и оставляютъ на илѣ свои тонкіе, звѣздообразные слѣды, а въ мелкой, прозрачной водѣ ихъ отражается ясная лазурь и бѣлыя облака весенняго неба. Курганъ же былъ настоящій степной—дикій, еще ни разу не тронутый плугомъ. Онъ расплывался на два холма и, словно поблекшей скатертью изъ мутно-зеленаго бархата, былъ покрытъ прошлогодней травой. Съдой ковыль тихо покачивался на его склонахъ. Это были жалкіе остатки прежняго величія, и грустно было смотреть на нихъ, на этотъ случайно уцѣлѣвшій ковыль! Время его, думалъ я, навсегда проходить; въ вѣковомъ забытіи онъ только смутно вспоминаеть теперь далекое

былое, прежнія стени и прежнихъ людей, души которыхъ были роднѣе и ближе ему, лучше насъ умѣли понимать его шопотъ, полный отъ вѣка важной задумчивости пустыни, такъ много говорящей безъ словъ о безконечности міра и времени...

Отдыхая, я долго лежалъ на курганѣ. Съ полей, между тѣмъ, потянуло тепломъ. Солнце согрѣвало облака, и они свѣтлѣли и таяли. Жаворонки, невидимые въ воздухѣ, напоенномъ парами и свѣтомъ, ужъ заливались надъ степью безотчетно-радостными трелями. Вѣтеръ сталъ ласковый, мягкій. Холодомъ земли и рѣзкой свѣжестью молодой зелени вѣяло отъ кургана. Солнце пригрѣвало мнѣ щеку, и подъ легкой лаской вѣтерка и солнца хотѣлось прикрыть глаза и помечтать... помечтать хотя бы о томъ, что вотъ я свободенъ теперь, какъ птица, что для того, чтобы быть счастливымъ, надо очень немного...

Въ южныхъ степяхъ меня всегда почему-то особенно сильно охватываетъ вѣяніе глубокой старины. Каждый курганъ кажется мнѣ молчаливымъ памятникомъ какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донцѣ, на Маломъ Танаисѣ, воспѣтомъ «Словомъ»—это была моя давнишняя мечта. Донецъ видѣлъ Игоря,—можетъ быть, видѣлъ Игоря и Святогорскій монастырь. Вѣдь, говорятъ же, что монастырь существовалъ еще въ до-монгольскій періодъ. И если такъ, что пережилъ онъ за свою долгую жизнь? Сколько разъ разрушался онъ до основанія, и пустыли его разломанныя стѣны! Сколько перетерпѣлъ онъ потомъ, стоя на татарскихъ путяхъ, въ дикихъ степныхъ равнинахъ, когда иноки его были еще воинами, когда они переживали долгія, тяжелыя осады отъ пол-

чишь дикихъ ордъ и воровскихъ людей, когда на его богослуженія въ рѣдкіе дни отдыха стекались со степей сторожевые люди съ суровыми лицами и незлобивыми, простыми сердцами!

Скрипъ телѣги, на которой сидѣлъ старикъ малороссъ, свѣсивъ съ грядки ноги въ допотопныхъ сапогахъ, и согнѣнныя воловъ, которые, покачиваясь и вытягивая шею, придавленные тяжелымъ ярмомъ, медленно, какъ во снѣ, тащились по дорогѣ, разогнали мои думы. Я зашагалъ еще поспѣшнѣе.

Помню лѣсъ, который мнѣ пришлось проходить. Полоса его долго чернѣла вдали, словно набросанная сепіей. Мѣстность возвышалась, и по мѣрѣ того, какъ я подходилъ, лѣсъ все вырасталъ изъ-за горизонта. Я не сводилъ съ него глазъ, думая, что за лѣсомъ-то и откроется долина Донца и Горы. Къ тому же, лѣсъ оказался очень старымъ, заглохшимъ «заказомъ». Меня поразила его безжизненная тишина, его корявые, изсохшія дебри. Замедляя шаги, я съ трудомъ пробирался по хворосту и бурелому, который гнилъ въ грязи глубокихъ рывинъ дороги. Ни одной птицы не слышно было въ чащахъ. Иногда на полянахъ дорогу затопляло цѣлое болото весенней воды. Сухія деревья сквозили кругомъ; они сѣрѣли мшистой корою, а кривыя ихъ сучья бросали такія слабыя, блѣдныя тѣни; даже цвѣты росли тутъ чахлые, блѣдно-желтые, болотные...

Скоро, однако, въ далекой перспективѣ лѣсной дороги снова проглянула даль, еще болѣе просторная и вольная. Сухой степной вѣтеръ все усиливался, разгоняя въ яркомъ весеннемъ небѣ бѣлыя облака, но и день, сол-

нечный, веселый день, разыгрывался вмѣстѣ съ нимъ... Монастыря же все не было.

Между тѣмъ чувствовалась усталость. Ноги ныли въ пыльных горячихъ сапогахъ. Бодрое настроеніе осла-

бѣвало; чтобы забыть про усталость, нужно было развлекать себя. И я принялся считать шаги, и занятіе это такъ увлекло меня, что я очнулся только тогда, когда дорога круто завернула влѣво, подъ гору, и вдругъ

ослѣпила рѣзкой бѣлизной мѣла. Вдалекѣ, налѣво, на самомъ горизонтѣ, надъ чащею лѣса сверкала золотой звѣздой куполь церковки. Но я едва взглянулъ туда. Донецъ былъ направо, въ ста шагахъ отъ меня, въ необъятной, глубокой долинѣ!

Долго простоялъ я неподвижно, глядя на мутную синеу этой огромной картины, этихъ широкихъ луговъ. Донецъ былъ въ разливѣ, и вся долина была затоплена водою. Стальные полосы рѣки тамъ и сямъ сверкали въ чащахъ коричневыхъ тростниковъ и залитыхъ половодьемъ прибрежныхъ лѣсовъ, а къ югу разливались все шире, совсѣмъ уже смутныя у подножья далекихъ мѣловыхъ горъ. И горы бѣлѣли смутно-смутно, и чайки кричали такъ слабо и странно, и вся меланхолия этого пейзажа такъ поэтично гармонировала со всѣмъ тѣмъ, что, казалось, еще незримо вѣетъ здѣсь изъ глубины вѣковъ...

Тихо спустился я съ горы и пошелъ подъ ея скатомъ, по дорогѣ надъ самой рѣкой. Я обгонялъ идущій на богомолье народъ—женщинъ, подростковъ, дряхлыхъ калѣкъ съ выцвѣтшими отъ времени и степныхъ вѣтровъ глазами, и все думалъ о старинѣ, о той чудной власти, которая дана прошлому. Откуда она, и что она значить? Не въ ней ли заключается одна изъ величайшихъ тайнъ жизни? И почему она управляетъ человѣкомъ съ такою дивною силой?

Между тѣмъ монастырь все еще не показывался. После полудня небо потускнѣло, вѣтеръ началъ пылить по дорогѣ, и въ степи стало скучно. Донецъ скрылся за холмами... Я попросилъ проѣзжаго хлопца подвезти меня, и

онъ посадилъ меня въ свою телѣжку на двухъ колесахъ. Мы разговорились, и я почти не замѣтилъ, какъ мы въѣхали въ лѣсъ и стали спускаться подъ гору.

Но чувство, охватившее меня, такъ было ново и неожиданно—трудно передать даже! Я съ удивленіемъ оглядывался кругомъ, я словно проснулся.

Все круче, отвѣснѣе становилась горная дорога, каменная, узкая, живописная дорога. Мы точно въ люлькѣ подъемной машины спускались все ниже и ниже въ долину, а столѣтніе красноватые стволы мачтовыхъ сосенъ, гордо выдѣляясь среди разнообразной лѣсной заросли, мощно вѣтвившись корнями въ каменистые берега дороги, точно плавно подымались все выше и выше, возносились зелеными кронами къ голубому небу. Небо надъ ними казалось еще глубже и невиннѣе, и чистая, свѣтлая, какъ это небо, радость наполняла душу. А внизу, сквозь зеленую чашу лѣса, между соснами, вдругъ проглянула глубокая и, какъ показалось, тѣсная, веселая долина, золотые кресты, куполы и бѣлыя стѣны домовъ въ ней, у самой подошвы лѣсистой горы—все скученное, картинно сокращенное отдаленіемъ,—и свѣтлая полоса узкаго Донца, и густая синева воздуха надъ сплошными луговыми лѣсами за рѣкою!.. И это былъ не просто красивый пейзажъ,—это былъ удивительно своеобразный, дышащій жизнью видъ. Такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ показался мнѣ съ горной узкой дороги въ свѣтломъ затишьи долины, и, право, тотъ моментъ, когда она только-что открылась подо мною во всей своей красотѣ, когда сосны уплывали въ небеса зелеными вершинами, навсегда останется однимъ изъ лучшихъ моихъ воспоминаній!

II.

Сквозь сонъ я долго слышала, какъ казалось, надъ самую голову странный перезвонъ колоколовъ. Я заснула на какихъ-то бревнахъ около пристани парома, и тѣло сразу оцѣпенѣло отъ переутомленія; но чувствовалъ я себя въ какой-то сказочной обстановкѣ, у подошвы горъ, уходящихъ въ небо, среди несмѣтной толпы народа, говоръ котораго гуломъ стоялъ надъ рѣкою; чувствовалъ, что прозябъ отъ весенней рѣчной свѣжести, и никакъ не могъ очнуться. И только проснувшись, отдохнуль, какъ слѣдуетъ.

Новый монастырь, тотъ, что находится у подошвы горы, далеко не такъ красивъ, какъ это кажется издалека. Хозяйственныя его постройки, особенно громадное зданіе гостиницы, походятъ на казармы. Къ тому же, вездѣ было тѣсно отъ нахавшаго народа. Пожилой монахъ, дремавшій на крыльцѣ гостиницы, на мой вопросъ о помѣщеніи для ночлега, только посмотрѣлъ на мою блузу и затынулся долгимъ, лѣнивымъ зѣвомъ. Послушникъ, котораго я встрѣтилъ въ воротахъ, такъ спѣшилъ куда-то, что я не успѣлъ остановить его. Онъ только обернулся и зашагалъ еще шире и неуклюжѣе, махаясь и подаваясь впередъ всѣмъ тѣломъ, отчего по плечамъ его болтались блѣдножелтые волосы. Другой какими-то тайными путями—темнымъ, узкимъ коридоромъ, гдѣ стоялъ тяжелый духъ sklepa, воска, ладона и угаръ отъ самоваровъ,—провелъ меня въ номеръ, уже занятый постояльцемъ.

Постоялецъ лежалъ на жесткомъ диванѣ, выставивъ кверху колѣни худыхъ ногъ, и лицо его было желто и

постно, какъ у мертвеца. На немъ былъ сѣрый пиджакъ, слишкомъ широкій для его худощаваго тѣла, и узкіе штаны желтоватаго цвѣта; на шеѣ—шарфъ, на ногахъ,—кромѣ сапогъ, рыжія голенища которыхъ видѣлись подъ короткими штанами,—резиновыя глубокія калоши. Козлиная бородка его изобличала «кацапа», человѣка російскаго, благочестиваго, подозрительнаго и очень любопытнаго. Очень зорко осмотрѣвъ меня, онъ прикрылъ глаза, полежалъ минуту молча и спросилъ:

— Изъ дальнихъ, позвольте спросить?

Я сказала.

— Та-акъ. Чѣмъ же, собственно, занимаетесь? По торговой части или, можетъ, въ услуженіи у кого?

— Нѣтъ.

— Значить, капиталъ свой имѣете?

— А на что вамъ?

Сожитель мой поднялъ брови, искоса глянуль на меня и закаплялся.

— О-охъ...—простоналъ онъ, тяжело повертываясь на бокъ.

— Вы нездоровы?

— Болѣзни въ себѣ не замѣчаю, а слабость большая во мнѣ, особливо теперь.

— Почему «теперь»?

— Надо полагать, безъ пищи ослабѣлъ я.

— Какъ безъ пищи?

Собесѣдникъ мой тускло улыбнулся.

— А вы что же, развѣ Бога-то ни за что почитаете? Святые отцы, къ примѣру, прямо на то указываютъ, чтобъ не вкушать за эти дни пищи, особливо съ чет-

верга. У меня бабушка отъ этой причины даже кончину приняли... Ну, правда, въ преклонныхъ лѣтахъ были...

Онъ опять закашлялся слабымъ, внутреннимъ кашлемъ и замолкъ.

— Вамъ нуженъ покой, — сказала я, вставая. — Я лучше еще гдѣ-нибудь переночую.

— Теперь не до покоя.

— Да нѣтъ, все-таки...

— Ну, съ Богомъ! — сказала лавочникъ.

Весь берегъ рѣки передъ монастыремъ былъ занятъ, какъ на ярмаркѣ, телѣгами и народомъ. Тутъ были и смоленскіе мужики въ бараньихъ шлыкахъ, и туляки, и полтавцы, и даже волжане. Многие спали подъ телѣгами, другіе закусывали, умывались; говоръ стоялъ сдержанный и сливался въ однообразный гулъ. Подъ этотъ говоръ я и заснулъ. Когда же проснулся, берегъ уже опустѣлъ: всѣ были въ церкви.

III.

Донецъ подъ Святыми Горами быстръ и узокъ. Берега его заросли лѣсомъ. Правый, горный берегъ возвышается почти отвѣсною стѣною и щетинится лѣсною чащей. Подъ нимъ-то и пріютилась бѣлокаменная обитель съ величавымъ, но грубо раскрашеннымъ соборомъ посреди двора. Выше, на полугорѣ, бѣлѣя въ зелени лѣса, висятъ два мѣловыхъ конуса, два утеса, сѣрыхъ отъ времени и непогоды, за которыми держится старинная церковка. А еще выше, уже на самомъ горномъ перевалѣ рисуется на фонѣ неба другая. Горы какъ будто уносятъ ее въ свѣтлое царство лазури...

Съ юга надвигалась туча, но весенній вечеръ былъ еще ясенъ и тепелъ, и солнце медленно уходило за горы; широкая тѣнь стлалась по Донцу отъ нихъ. И странная тишина царила повсюду: какъ одинъ человекъ стояли тамъ, въ церкви, сотни молящихся въ благоговѣйномъ молчаніи.

По мощеному церковному двору, мимо собора, я пошелъ къ крытымъ галлереямъ, что ведутъ въ гору. Въ этотъ часъ пусто и тихо было въ ихъ безконечныхъ переходахъ. И чѣмъ дальше и выше подымался я, тѣмъ все болѣе вѣяло на меня суровой монастырской жизнью — отъ этихъ картинокъ, изображающихъ скиты и кельи отшельниковъ съ гробами вмѣсто ночныхъ ложъ, отъ этихъ старопечатныхъ поученій, развѣшанныхъ на стѣнахъ, даже отъ каждой стертой ступеньки въ ветхой галлерей. Въ полусумракѣ этихъ переходовъ чудились тѣни давно отошедшихъ отъ міра сего иноковъ, строгихъ и молчаливыхъ схимниковъ.

Но меня тянуло туда, къ мѣловымъ сѣрымъ конусамъ, къ мѣсту той пещеры, гдѣ въ трудахъ и молитвѣ, простой и возвышенный духомъ, проводилъ свои дни первый человекъ этихъ горъ, та великая душа, которая полюбила горный обрывъ надъ Малымъ Танаисомъ. Дико и глухо было тогда въ первобытныхъ лѣсахъ, куда пришелъ святой человекъ. Лѣса безконечно синѣли подъ нимъ, смутная даль вѣяла великой меланхоліей природы. Лѣсъ заглушалъ берега рѣки, и только рѣка, одинокая и свободная, плескала и плескала своими холодными волнами подъ его навѣсомъ. И какая тишина царила кругомъ! Рѣзкій крикъ дрозда на полянѣ, озаренной солнцемъ,

трескъ сучевъ подъ ногами дикой козы, хриплый хохоть кукушки и сумеречное уханье филина — все гулко отдавалось въ лѣсахъ. Ночью величавый мракъ и мертвое молчаніе замирали надъ ними. По шороху и плеску воды угадывалъ инокъ, что вплавь переходять Донецъ дикіе люди. Молчаливо, какъ рать дьяволовъ, перебирались они черезъ рѣку, шуршали по кустамъ и исчезали во мракъ ночи. Жутко тогда было въ горной норѣ одинокому человѣку, но до разсвѣта мерцала его свѣчечка и до разсвѣта звучали его молитвы. А утромъ, изнуренный ночными ужасами и бдѣніемъ, но съ свѣтлымъ лицомъ выходилъ онъ на божій день, на дневную работу и опять кротко и тихо было въ его сердцѣ, и синѣли лѣса подъ нимъ, и важно и ровно шумѣли столѣтнія сосны по горнымъ обрывамъ...

Глубоко внизу подо мною все уже тонуло въ теплыхъ сумеркахъ, мелькали огни, раздавался неясный говоръ. Тамъ уже начиналась сдержанно-радостная тревога приготовления къ свѣтлой заутренѣ. А здѣсь, за мѣловыми утесами, было тихо и еще брезжилъ свѣтъ зари. Птицы, живущія въ трещинахъ скалъ, подъ карнизами церковки, рѣяли вокругъ, визжа, какъ старый флюгеръ, и всплывали снизу, и неслышно тонули внизъ, въ сумракъ, на своихъ мягкихъ крыльяхъ. Туча съ юга заволокла все небо, вѣя теплотою дождя, весенней душистой грозы, и уже содрагалась отъ вспышекъ молній. На хмуромъ фонѣ ея вырисовались тогда бѣлыя барскія хоромы, стоящія на южной оконечности горъ. Слѣва сосны горнаго обрыва уже слились въ одну темную опушку и чернѣли, какъ горбъ спящаго медвѣдя.

— О, Господи, Господи!—прошенталь въ это время кто-то сзади меня и глубоко вздохнулъ.

Почти испуганный, я обернулся и увидалъ большую темную фигуру. Широкоплечій старикъ въ монашеской скуфьѣ, но одѣтый по мірекому—въ толстой курткѣ рабочаго и въ высокихъ сапогахъ—стоялъ за мною и пристально глядѣлъ вдаль. Лицо у него было широкое, съ крупными чертами, а брови сурово сдвинуты. Въ глазахъ, маленькихъ и зоркихъ, свѣтилась глубокая, затаенная грусть. Въ сумеркахъ эта оригинальная фигура производила сильное впечатлѣніе.

— И сколько тутъ, милый, народу померло,—продолжалъ онъ, не глядя на меня,—не сосчитать никому.

— Гдѣ?—спросилъ я.

— Да тутъ-то, на этомъ мѣстѣ. Былъ я сейчасъ и на кладбищѣ монастырскомъ,—жутко тамъ, а хорошо! Мертвые, милый, видно, правда, лучше живыхъ...

Онъ помолчалъ, не обративъ вниманія на мой удивленный взглядъ, и продолжалъ все такъ же медленно и съ тихой грустью:

— Я, милый, издадека, астраханскій... Тамъ у меня и сынъ живетъ въ подвальныхъ, пятнадцать рублей на всемъ готовомъ получаетъ, и дочь въ горничныхъ у станции начальника... Жена-то померла ужъ годовъ девять тому назадъ... А я все хожу. Гдѣ-гдѣ я ни былъ! Все нѣту мнѣ покоя! Такъ-то всѣ мнѣ говорятъ: что, молъ, ты бродишь? И развѣ не правда? Какая моя жистъ теперь? А все лучше другихъ... Все лучше, ежели раздумье есть... А то какъ живутъ? Обуваются да разувываются...

— Обуваются да разуваются?—переспросилъ я.

— Да, вотъ и все тутъ...

И разговоръ въ такомъ духѣ продолжался у насъ около часа. Старикъ закурилъ трубку и все говорилъ, словно про себя, про свои меланхолическія рѣчи. Долго потомъ вспоминалъ я этого большого унылаго человѣка, ищущаго жизни духа, ищущаго тѣхъ мѣстъ, гдѣ беретъ «раздумье».

Онъ такъ и остался тамъ, все смотря въ одну точку, въ темную даль передъ собою. А я еще успѣлъ сходить на вершину горы, въ верхнюю церковку. И мнѣ даже жутко стало, когда я нарушилъ шагами ея гробовую тишину. Монахъ, какъ привидѣніе, стоялъ за ящикомъ съ свѣчами. Два-три огонька тихо потрескивали въ храмѣ. А въ верхнее окошечко его еще лился слабый свѣтъ заката. Помню, поставилъ и я свою свѣчку и помолился за того, кто, слабый и преклонный лѣтами, въ мертвой тишинѣ этого маленькаго храма падалъ ницъ въ тѣ грозныя ночи, когда костры осады пылали подъ стѣнами обители; помолился и за всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ въ этой жизни «раздумья»...

До глубокой ночи кипѣла суматоха въ монастырѣ.

Потомъ всѣ храмы запылали огнями, и черный мракъ ночи дрожалъ отъ дымаго пламени смоляныхъ бочекъ на берегу рѣки. И все запылало еще болѣе, все словно ожгло, когда раздались слова о воскресеніи Христа и въ отвѣтъ имъ ударила сотня звонкихъ колоколовъ со всѣхъ монастырскихъ колоколенъ!

Уходя на ночлегъ въ деревню, за Донецъ, по его низменному берегу, я не разъ останавливался, пораженный

красотою иллюминаціи: все тонуло въ глубокой темнотѣ, не маячили даже очертанія горъ на фонѣ неба, и только огни около верхнихъ храмовъ діадемами крупныхъ золотыхъ созвѣздіи ярко вырѣзывались въ этомъ мракѣ...

IV.

Утро засверкало солнцемъ, утро было совсѣмъ праздничное, теплое, свѣтлое, и еще радостнѣе, наперебой звенѣли надъ Донцомъ, надъ зелеными горами колокола; ихъ диссонансы такъ чудно сливались въ одну звонкую, веселую пѣснь о Воскресеніи и уносились туда, гдѣ въ ясномъ воздухѣ стремилась къ небу бѣлая церковка на горномъ перевалѣ. Говоръ гуломъ снова стоялъ надъ рѣкою, а на баркасѣ по ней прибывало въ монастырь все болѣе и болѣе народу. Все жило, двигалось, ярко пестрѣли праздничные малороссійскіе наряды. Подъ веселый перезвонъ колоколовъ я нанялъ лодку, и молоденькая хохлушка легко и быстро погнала ее противъ теченія по прозрачной водѣ Донца, въ тѣни береговой зелени. И нѣжное, красивое личико рыбачки, и солнце, и тѣни, и быстрая рѣчка — все было такъ хорошо и радостно въ это милое утро!

Я побывалъ въ скиту—тамъ, несмотря на толпы народа, было тихо, и блѣдная зелень березокъ слабо шепталась, какъ на кладбищѣ—и сталъ взбираться на гору, чтобы по ея вершинѣ вернуться въ монастырь.

Взбираться безъ тропинки было очень трудно. Нога глубоко тонула во мху, буреломѣ и мягкой прѣлой листвѣ; гадюки то и дѣло быстро и упруго выскальзывали

изъ - подъ ногъ, и я почти бѣжалъ, рискуя сорваться внизъ или задохнуться. Горячій зной, полный тяжелаго смолистаго аромата, неподвижно стоялъ подъ навѣсами сосенъ. Зато какая даль открылась подо мною, какъ хороша была издали долина съ темнымъ бархатомъ лѣсовъ въ ней, какъ сверкали разливы Донца въ яркомъ солнечномъ блескѣ, какъ горячею жизнью юга дышало все кругомъ! То-то, должно быть, дико-радостно билось сердце какого-нибудь воина полковъ Игоревыхъ, когда любовался онъ этимъ видомъ, выскочивъ на хрипящемъ конѣ на эту высь и повиснувъ надъ обрывомъ, среди могучей чащи сосенъ, убѣгающихъ внизъ...

А въ сумеркахъ я уже опять шагаль въ степяхъ. Тихій вѣтеръ ласково вѣялъ въ лицо, вѣялъ теплотою яснаго вечера съ молчаливыхъ, темныхъ кургановъ. И отдыхая на нихъ, одинъ-одиченекъ среди ровныхъ безконечныхъ полей, подъ мирнымъ украинскимъ небомъ, я опять думаль о старинѣ, о людяхъ, почивающихъ въ одинокихъ степныхъ могилахъ подъ смутный шелестъ сѣдого ковыля... Хороши эти мѣста, гдѣ находятъ «раздумье»!

. Звѣздная ночь.

Звѣзды на небѣ зажглись,
Часъ полночный недалекъ...
«Звѣзды на небѣ зажглись».
Тихо шепчетъ ручеекъ.

Отъ травы и отъ цвѣтовъ
Ароматы полились...
Вѣтеръ вѣетъ межъ кустовъ:
«Звѣзды на небѣ зажглись».

Ночь царить въ нѣмыхъ поляхъ,
И поля, и нивы спать,—
Звѣзды въ темныхъ небесахъ
Тихій сонъ ихъ сторожать...

Завѣщаніе.

Изъ Шевченко.

Какъ умру,—похороните
Вы меня на волѣ,
На степи въ краю родимомъ,
На курганѣ въ полѣ:

Чтобы даль вокругъ синѣла,
Чтобъ и Днѣпръ и кручи
Были видны,—было слышно,
Какъ гремитъ могучій!

Въ Колизеѣ.

Изъ Л. Байрона.

Сверкаютъ звѣзды,—полная луна
Надъ горными вершинами сияетъ,
Надъ вѣчными снѣгами... Дивный видъ!
Люблю я почъ, мнѣ образъ ночи ближе,
Чѣмъ образъ человѣка: въ созерцаньи
Ея спокойной грустной красоты
Я постигаю рѣчь иного міра.

Мнѣ помнится,—когда я молодъ былъ
И странствовалъ,—въ такую ночь однажды
Я былъ среди развалинъ Колизея,
Среди останковъ царственного Рима.
Деревья вдоль разрушенныхъ аркадъ,
На синевѣ полуночной темнѣя,
Чуть колыхались по вѣтру, и звѣзды
Сіяли сквозь руины. Изъ-за Тибра
Былъ слышенъ лай собакъ, а изъ дворца—
Протяжный стонъ совы, и, замирая,
Невнятно доносились съ теплымъ вѣтромъ
Далекіе напѣвы часовыхъ.
Въ проломахъ стѣнъ, разрушенныхъ вѣками,

Стояли кипарисы—и казалось,
Что их кайма была на горизонтѣ.
А между тѣмъ лишь на полетъ стрѣлы
Я былъ отъ нихъ...

Гдѣ Цезарь жилъ когда-то

И гдѣ теперь живутъ ночныя птицы,
Уже не лавръ, а дикій плющъ растетъ,
И лѣсъ встаетъ, корнями укрѣпляясь
Въ священномъ прахѣ царскихъ очаговъ
Среди твердынь, сравнявшихся съ землею.
Кровавый циркъ стоитъ еще донинѣ,—
Еще хранить въ руинахъ величавыхъ
Былую мощь, но Цезаря покои
И Августа чертоги ужъ давно
Поверглись въ прахъ и стали грудой камня.

И ты, луна, на нихъ свой свѣтъ лила,—
Лишь ты одна смягчала нѣжнымъ свѣтомъ
Сѣдую древность, дикость заустѣнья,
Скрывая всюду тяжкій слѣдъ время!
Ты красоты былой не измѣняла,
Но осѣняла новой красотой
Все, въ чемъ она погибла,—и руины
Казались священными, и сердце
Нѣмымъ благоговѣньемъ наполнялось
Передъ нѣмымъ величьемъ древней славы,—
Предъ тѣмъ державнымъ прахомъ, что донинѣ
Изъ глубины могильныхъ урнъ царить...

Въ дѣтской.

«Ангель-хранитель надъ тобой!..»
Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кроватку
И милый, грустный голосъ твой:
«Ангель-хранитель надъ тобой!»

Бывало раздѣваетъ няня
И полушопотомъ бранить,
А сладкій сонъ, глаза туманя,
Къ ея плечу меня клонить.
Келейный свѣтъ передъ божницей
Мерцаетъ тихо—и порой
Она казалась мнѣ гробницей,
Но тутъ заботливой рукой
Мать перекреститъ, кротко взглянетъ:
«Ангель-хранитель надъ тобой!»
И на душѣ такъ славно станеть.

Келейный, слабый полусвѣтъ
И тѣни отъ цѣпей лампадки,
Что тихо бродятъ по кроваткѣ,
Уже не тѣ,—въ нихъ грусти нѣтъ.

Ангель-хранитель къ изголовью
Приникнетъ съ кроткою любовью,
И знаю я, что онъ со мной,—
Спокойный, свѣтлый и родной.

Ангель-хранитель осяняетъ
Мой мирный сонъ—и въ тишинѣ
Всю ночь душа моя внимаетъ
Его напѣвамъ въ полуснѣ.

Крещенская ночь.

Темный ельник снѣгами, какъ
мѣхомъ,

Опушили сѣдые морозы,
Въ блесткахъ инея, точно въ алмазахъ,
Задремали, склонившись, березы.

Неподвижно застыли ихъ вѣтки,
А межъ ними на снѣжное лоно,
Точно сквозь серебро кружевное,
Полный мѣсяцъ глядитъ съ небосклона.
Высоко онъ поднялся надъ лѣсомъ.
Въ яркомъ свѣтѣ своемъ цѣпенѣя,
И причудливо стелются тѣни,
На снѣгу подъ вѣтвями чернѣя.

Замело чащи лѣса метелью,—
Только вьются слѣды и дорожки,
Убѣгая межъ сосенъ и елокъ,
Межъ березокъ до ветхой сторожки.

Убаюкала вьюга сѣдая
Дикой пѣснейю лѣсъ опустѣлый,

И заснулъ онъ, засыпанный вьюгой,
Весь сквозной, неподвижный и бѣлый.

Спать таинственно-стройныя чащи,
Спать, одѣтая снѣгомъ глубокимъ,
И поляны, и лугъ, и овраги.
Гдѣ когда-то шумѣли потоки.

Тишина,—даже вѣтка не хрустнетъ!
А, быть-можетъ, за этимъ оврагомъ
Пробирается волкъ по сугробамъ
Осторожнымъ и медленнымъ шагомъ...

Въ дальнихъ чащахъ, гдѣ вѣтви и тѣни
Въ лунномъ свѣтѣ узоры сплетаютъ,
Все мнѣ чудится что-то живое,
Все какъ-будто звѣрки пробѣгаютъ...

Огонекъ изъ лѣсной караулки
Осторожно и робко мерцаетъ.
Точно онъ притаился подъ лѣсомъ
И чего-то втиши поджидаетъ.

Брильянтомъ лучистымъ и яркимъ,
То зеленымъ, то синимъ играя,
На востокъ у трона Господня
Остро блещетъ звѣзда, какъ живая.

А падъ лѣсомъ все выше и выше
Входитъ мѣсяцъ,—и въ дивномъ покоѣ
Замираетъ морозная полночь
И хрустальное царство лѣсное!

Облачко.

Высоко въ просторѣ неба.
 Все сіяя бѣлизною.
 Вышло облачко на полдень
 Надъ равниной водяною.
 Изъ болотъ оно возстало.
 Изъ холоднаго тумана.
 Но, какъ лебедь, засіяло
 Въ синей стали океана.

Не затѣмъ ли ты возникло,
 Чтобы въ вѣчномъ отразиться?
 Не затѣмъ ли вдаль стремилось,
 Чтобъ подь солнцемъ испариться?
 Вышло облачко высоко,
 Стало тонкое, сквозное,
 Улыбнулось одиноко—
 И угасло въ яркомъ зноѣ!

Изъ сказки.

...Все дѣсь и дѣсь. А день темнѣть;
 Нивы сипѣють, и трава
 Съдой росой въ лугахъ бѣлѣть...
 Проснулась сѣрая сова.
 На западъ сосны вереницей
 Идутъ, какъ рать сторожевыхъ,
 И солнце мутное Жарь-Птицей
 Горитъ въ ихъ дебряхъ вѣковыхъ...

На Троицу.

Весенняго ливня мы
ждемъ...

Ужъ тучи синѣють сердито,
И въ воздухѣ пахнетъ дождемъ,
А къ югу все небо раскрыто...
Какъ чисто и весело въ пемь!

Нѣтъ солнца, но свѣтлы пруды,
Стоять зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсѣмъ бы казались пустыми,
Но въ нихъ отразились сады.

* * *

Вдругъ капля, какъ шляпка гвоздя,
Упала, и сотнями иголь,
Затоны прудовъ бороздя,
Сверкающій ливень запрыгаль—
И садъ зашумѣль отъ дождя.

* * *

И вѣтеръ, играя листвою,
Смѣшалъ молодья березки,
И солнечный лучъ, какъ живой,
Зажегъ задрожавшія блести—
А лужи залилъ синевою.

* * *

Вонъ радуга... Весело жить
И весело думать о небѣ,
О солнцѣ, о зрѣющемъ хлѣбѣ—
И счастьемъ простымъ дорожить!

Послѣ дождя.

Дождь прошелъ. Ужь не трепещеть
Тучка молніей—грозой.
Посмотри, какъ небо блещеть
Сквозь деревья бирюзой!

Отъ кустовъ ложатся тѣни,
А цвѣты полны водой;
Пахнеть свѣжестью сирени,
Сладко пахнеть резедой.

Точно замерь прудъ широкій;
Какъ въ зеркальномъ серебрѣ,
Отразились въ немъ глубоко
Избы, ивы на горѣ.

А вдали уже алѣеть
Свѣтъ заката,—и тепломъ
Ночь въ окно порою вѣтъ,
Точно ласковымъ крыломъ.

Въ лѣсу.

Тропинкой темною лѣсною,
Гдѣ колокольчики цвѣтуть,
Подъ тѣнью легкой и сквозною
Меня кустарники ведутъ.

Здѣсь полусвѣтъ и запахъ
пряный

Сухой листы, а вдалекѣ
Лѣсъ раступается поляной
Къ долинкамъ мирной и рѣкѣ.

Садится солнце, даль синѣеть,
Куклушка стонетъ, а рѣка
Уже отъ запада алѣетъ
И отражаетъ облака.

Вокругъ меня деревья стройно
Уходятъ къ ясной вышинѣ,
И сердце радостью спокойной
Полно въ вечерней тишинѣ.

Пора и горе, и печаль, —
И зиму темную забыть, —
Одно есть только въ мірѣ счастье —
Весь Божій свѣтъ душой любить!

На чужой сторонѣ.

Въ этотъ вечеръ на вакзалѣ не было обычной сумо-тохи: наступала святая ночь. А когда прошелъ курьерскій девятичасовой поѣздъ, всѣ успѣли докончить только самыя неотложныя дѣла, чтобы поскорѣе разойтись по квартирамъ, вымыться, надѣть все чистое, и въ семьѣ, съ облегченнымъ сердцемъ, дожидаться праздника, отдохнуть хотя не надолго отъ безпорядочной жизни, отъ постоянныхъ ожиданій чего-то... И въ вокзалѣ наступили тишина и сумракъ.

Полутемный залъ третьяго класса, всегда переполненный людьми, гуломъ нестройнаго говора, тяжелымъ, теплымъ воздухомъ, теперь былъ пустъ и прибранъ. Въ отворенныя окна и двери вѣяло чистой свѣжестью южной почвы. Въ углу восковыя свѣчи слабо озаряли аналой и золотыя иконы, и среди нихъ кротко и грустно глядѣлъ темный ликъ Спасителя. Лампада краснаго стекла тихо покачивалась передъ нимъ, и по золотому окладу двигались полосы сумрака и свѣта...

Но одинокая кучка пассажировъ была на вокзалѣ. Имъ некуда было пойти приготовиться къ празднику. Они молча сидѣли въ темнотѣ, на концѣ длинной платформы.

Они чувствовали себя гдѣ-то страшно далеко отъ родныхъ мѣстъ, среди чужихъ людей, подъ чужимъ южнымъ небомъ. Первый разъ въ жизни имъ пришлось двинуться на югъ, на дальнѣе заработки. Они всего еще боялись и даже передъ носильщиками неловко и торопливо сдвигали свои растрепанныя шапки. Уже второй день они томились тутъ скукой, ожидая, пока къ нимъ выйдетъ тщедушная и горделивая фигурка помощника начальника станціи (они уже успѣли прозвать его «кочеткомъ») и строго объявить, когда и какой товарный поѣздъ потянетъ ихъ на «Харцызскую». Со скуки они весь день проспали и теперь сидѣли въ угнетенномъ настроеніи.

Душный вечеръ разслаблялъ тѣло. Надвигались тучи. Изрѣдка обдавалъ теплый благовонный вѣтеръ, напоенный запахомъ распускающихся тополей. Не смолкая ни на минуту, несся съ болота злорадный хохотъ лягушекъ, и, какъ всякій непрерывный звукъ, не нарушалъ тишины вечера. Тихо было и на землѣ, и на небѣ. Направо отъ станціи едва-едва свѣтилъ далекій закатъ: тускло поблескивая, убѣгали туда рельсы. Налѣво уже стояла синяя темнота... Огонекъ диска висѣлъ, словно въ воздухѣ, одиноко зеленовато-блѣдной звѣздочкой... Оттуда изъ загадочной дали, съ неизвѣстныхъ степныхъ мѣстъ шла ночь...

— Охъ, должно, не скоро!—шопотомъ сказалъ одинъ изъ мужиковъ, полулежавшій около вокзальныхъ ведеръ, и протяжно зѣвнулъ.

— Служба-то?—отозвался другой.—Должно, не скоро. Теперь не болѣ, какъ семей часть будя.

— А то и всёхъ восемь наберется.—машинально добавил третій.

Всёмъ было скучно. Только одинъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ.

— Ай соскучился? «А-а-а»... зѣвнулъ онъ, передразнивая перваго говорившаго, и захохоталъ.—Гляди, ребята, зареветь еще пожалуй!

— Будя, Кирюхъ, буровить-то, — серьезно отвѣтилъ первый и дѣловымъ тономъ обратился къ сосѣду:—Пантелей Парменычъ, поди, глянь на часы-то!

Пантелей Парменычъ, сидѣвшій спиной къ рѣшеткѣ платформы, отозвался добрымъ, слабымъ голосомъ:

— Не умѣю, малый, по тутошнямъ, все сбиваюсь: цѣлыхъ три стрѣлки.

— Да ай не все равно?—опять замѣтилъ Кириллъ грустно и насмѣшливо.—Хушь смотри, хушь не смотри—одна честь.

Послѣднія слова онъ произнесъ уже совсѣмъ машинально. Это былъ еще молодой мужикъ съ добрымъ, толстымъ лицомъ; онъ недавно женился и скучалъ теперь сильно, хотя и скрывалъ тоску въ безпечной позѣ—лежа на животѣ и раскинувъ ноги въ стороны; только по тому, какъ онъ иногда вертѣлъ лохматою головою, положенной на руку, можно было замѣтить, что ему не по себѣ.

Долго молчали. Тучи надвинулись, густая темнота теплой ночи мягко, неслышно обнимала все. Пантелей Парменычъ открылъ трубку, помялъ пальцемъ краснѣвшійся въ ней огонь и на время такъ жарко раскурилъ ее, что смутно освѣтилъ свое старческое доброе лицо съ сѣдыми солдатскими усами и воротъ зипуна. На мгновеніе

выступили изъ мрака и бѣлая рубаха лежащаго на животѣ, и короткіе, заскорузлые и изорванные полушубки двухъ другихъ пожилыхъ мужиковъ. Потомъ онъ закрылъ трубку, поныхтѣлъ и покосился влѣво, на своего племянника. Тотъ дремалъ. Длинные худыя ноги его, завернутыя въ бѣлыя суконныя портянки, лежали безъ движенія; по очертаніямъ худощаваго тѣла и узкихъ плечъ было видно, что это совсѣмъ еще мальчикъ, истомленный и до времени вытянувшійся на работѣ.

— Оедоръ, спишь? — тихо окликнулъ его Пантелей Парменычъ.

— Н-нѣтъ, — отвѣтилъ тотъ соннымъ, мягкимъ голосомъ.

Старикъ ласково наклонился къ нему и, улыбаясь, шопотомъ спросилъ:

— Ай по матери соскучился?

Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу:

— Чего жъ мнѣ соскучиться?

— Да ну!.. Ты скажи, не бойся.

— Я и такъ не боюсь.

— То-то, моль, не таись...

Оедька молчалъ. Пантелей Парменычъ долго съ задумчивой улыбкой глядѣлъ на его худенькія плечи... потомъ тихонько отвернулся.

Уже и на закатѣ стемнѣло, и на вокзалѣ все стихло. Контуры вокзальныхъ крышъ едва рисовались на фонѣ ночного неба. Тамъ, гдѣ оно сливалось съ темнотою земли, перекрещивались и мигали зеленые, синіе и красные огоньки сигналовъ... Осторожно лязгая колесами и постукивая короткими ударами дыма изъ трубы, прокатил-

ся мимо платформы паровозъ, освѣтилъ ее краснымъ отблескомъ растопленной печки, около которой, какъ въ тѣсномъ уголкѣ ада, копошились какіе-то черные люди, и все опять потонуло въ темнотѣ. Мужики долго прислушивались, какъ онъ гдѣ-то въ сторонѣ спѣлъ горячимъ паромъ.

Потомъ издалека гнусаво запѣлъ рожокъ. Изъ темноты и изъ-за разноцвѣтныхъ огней выдѣлился треугольникъ огненныхъ глазъ. Онъ разгорался и приближался медленно-медленно, а за нимъ тянулся длинный, безконечно-длинный товарный поѣздъ; подвигаясь все слабѣе, онъ, наконецъ, остановился и затихъ. Черезъ минуту что-то завизжало, заскрипѣло, вагоны дрогнули, подались назадъ и замерли. Раздались чьи-то громкіе голоса и тоже смолкли. Одинокій фонарь, невѣдомо кѣмъ песомый, колеблясь свѣтлымъ полукругомъ, шелъ надъ самой линіей, подъ темной стѣной вагоновъ.

— Тридцать четыре, — сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Кого? Вагоновъ-то? Болѣ будя.

— А можетъ и болѣ...

Поѣздъ на время занялъ всѣхъ. Оедька облокотился на руку и долго глядѣлъ на темную массу паровоза, смутно освѣщенную посрединѣ, слушалъ, какъ что-то клочкотало и замирало въ немъ, какъ потомъ онъ отдѣлился отъ поѣзда и, облегченно и тяжело дохнувъ нѣсколько разъ, ушелъ въ темноту, отрывистыми свистами требуя пути... Ничто, ничто тутъ не напоминало праздника!

Тогда между мужиками слышались несмѣлыя предположенія, что, можетъ быть, съ этимъ-то поѣздомъ ихъ и отправятъ. Тяжело въ такую ночь сидѣть въ темнотѣ то-

варныхъ вагоновъ, да ужъ все одно, лучше бы отправили!

Старикъ заговорилъ о «Харцызской». Но впереди была полная неизвѣстность; и гдѣ эта «Харцызская», и когда они пріѣдутъ туда, и какая будетъ работа, да и будутъ ли еще? Можетъ и совсѣмъ не быть. Вотъ, если бы земляковъ встрѣтить, которые направили бы на хорошее мѣсто! А то, пожалуй, опять придется гдѣ-нибудь сидѣть въ томительномъ ожиданіи, запивать сухой хлѣбъ теплой водой изъ вокзальной кадки. И тоска отъ неопредѣленности положенія снова овладѣла всѣми. Даже Кирилль заворочался, безпокойно зачесался, сѣлъ и опустил голову... Разговоръ оборвался.

— И чего тутъ остались? — долго погода послышался одинъ неуверенный голосъ. — Хошь бы въ городъ пошли — авось, всего версты четыре... либо въ монастырь... служба говорить, бываетъ дюже хороша!

— А ну, какъ сейчасъ велеть садиться? — угрюмо отвѣтилъ Кирилль. — Его пропустишь, а тамъ и сиди опять десять день.

— Надо пойтить спросить...

— Спросить? У кого?

— Да у начальника...

— И правда, пожалуй...

— Да его теперь небось нѣту...

— Ну, кто-нибудь за него...

Однако, къ предложенію сходить спросить всѣ отнеслись какъ-то вяло и опять замолчали.

— Служба-то и тутъ такая же будетъ. — проговорилъ Кирилль попрежнему угрюмо.

— Она хушь не такая же, короткая, сказывали будеть... И разговѣться тоже нечѣмъ...

— А какъ совсѣмъ пойдешь Христа ради?

И всѣ съ тоской поглядывали на вокзальныя постройки, гдѣ свѣтились окна, гдѣ въ каждой семьѣ шли приготовления къ празднику.

— А дни-то, дни-то какіе! — со вздохомъ, слабымъ, душевнымъ голосомъ сказалъ Пантелей Пармепычъ. — Великая суббота-матушка! А мы, какъ татаре какіе, и въ церкви ни разу не были...

— Ты бы теперь ужъ на клиросѣ читаль, дѣдушка!

Но старикъ не слыхалъ этихъ мягко и грустно сказанныхъ словъ. Онъ сидѣлъ и бормоталъ въ раздумьи:

— Эхъ, правда, хороша нонѣ служба! Сказано: «да молчить всяка плоть человѣча и да стоять со страхомъ и трепетомъ»...

Голосъ его перешелъ въ шопоть и, помолчавъ, онъ прибавилъ увѣреннѣе, глядя въ одну точку передъ собою:

«Воскресни, Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ»...

Было ли это трогательное воззваніе, краткая жалоба чистаго сердца на людскія неправды, былъ ли только откликъ несознаннаго, но глубокаго чувства? Вѣрно, присоединялась къ нему и жалость къ себѣ, къ своей одинокой старости, которой некуда преклонить голову даже въ свѣтлую ночь Воскресенія! Все же лицо его было ясно и спокойно. Издалека, изъ родной деревни, можетъ быть, уже доносилось до него пѣніе крестоносцевъ, замирающее въ темнѣющихъ поляхъ, въ теплый апрѣльскій вечеръ,

или звонъ и оживленіе солнечнаго праздничнаго утра, веселый говоръ девевенской улицы...

А тишина ночи все болѣе воцарялась кругомъ. И изъ степей, изъ темно-синей дали все ласковѣе обвѣвало теплымъ, влажнымъ вѣтромъ, и сильнѣе благоухали распускающіеся въ темнотѣ тополи.

Всѣ упорно молчали.

Можетъ быть, и всѣ думали объ одномъ, всѣхъ соединяла одна грусть, одни воспоминанія. И все то, на что каждый смотрѣлъ прежде спокойно, вспоминалось теперь, какъ самое дорогое и завѣтное. Вотъ наступаетъ вечеръ. Наступаетъ сдержанная суматоха послѣднихъ приготовлений къ церкви. На дворахъ запрягаютъ лошадей, суетятся мужики въ новыхъ сапогахъ и еще распоясанныхъ рубахахъ, съ мокрыми, расчесанными волосами; полунаряженные дѣвки и бабы то и дѣло перебѣгаютъ отъ избъ къ пунькамъ и обратно, въ избахъ завязываютъ въ платки куличи и пасхи... Потомъ деревня остается пустою и тихою... Надъ темной чертой горизонта, на фонѣ заката, видны силуэты идущихъ и ѣдущихъ на село... На селѣ, около церкви, поскрипываютъ въ темнотѣ подвѣзжающія телѣги; церковь освѣщается... въ церкви уже идетъ чтеніе, уже тѣснота и легкая толкотня, пахнетъ восковыми свѣчами, новыми полшубками и свѣжими ситцами... А на паперти и на могилахъ, съ другой стороны церкви, темнѣютъ кучки народа, слышатся сдержанные голоса...

Вдругъ гдѣ-то далеко ударили въ колоколь. Во мгновеніе у всѣхъ дрогнуло сердце отъ радостнаго волненія и сжалось отъ неясной грусти. Мужики зашевелились,

разомъ поднялись и, крестясь, съ обнаженными головами, до земли поклонились на востокъ.

— Федоръ! вставай!—взволнованно пробормоталъ старикъ.

Мальчикъ вскочилъ торопливо и закрестился быстро и перво.

— Опоздали, малый!—прибавилъ старикъ растерянно съ тревогой.

— Я не спалъ...—отвѣтилъ мальчикъ виновато.

Звонъ шелъ издалека медленно и важно, но и въ немъ какъ бы слышалась уже радость и волненіе. Послѣдній замирающій гулъ его еще долго держался въ воздухѣ, и когда онъ наконецъ смолкъ, мужики засуетились, торопливо завязывая котомки какъ бы въ дальнюю дорогу. Въ окнахъ вокзала уже трепетали огни восковыхъ свѣчей. Золотыя иконы сливались съ золотымъ ихъ блескомъ. Зала третьяго класса наполнялась служащими, рабочими и барышнями. Оживленіе возрастало, слышался какой-то легкій споръ, торопливые шаги... Мужики стали на платформѣ, у дверей вокзала. Они были смущены новизной обстановки этой встрѣчи праздника и какъ въ туманѣ видѣли чужую, незнакомую толпу подъ сводами вокзала, слышали малороссійскій говоръ.

Наконецъ сквозь толпу поспѣшно прошелъ молодой священникъ съ причтомъ и тотчасъ же сталъ облачаться въ свѣтлыя ризы, шуршація глазетомъ; онъ что-то говорилъ въ то же время и зорко вглядывался въ полусумракъ наполнявшагося народомъ зала. Зажигаемыя свѣчи осторожно потрескивали, вѣтерокъ колебалъ ихъ огни. А издалека, подъ темнымъ ночнымъ небомъ, снова лился звонъ—теперь уже совсѣмъ радостный.

«Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси»... — торопясь, началъ священникъ прекраснымъ звонкимъ теноромъ.

Все заволновалось и задвигалось. Мужики стояли на колѣняхъ и торопливо крестились, подолгу припадая головами къ каменному полу. Пантелей Парменычъ крестил-

ся послѣннѣ всѣхъ—онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ кругомъ. Просвѣтленное лицо его было блѣдно и радостно.

— Федоръ! ай что болить? — раздался вдругъ возлѣ него шопотъ.

Старикъ вздрогнулъ и послѣшно обернулся.

Стоя на колѣняхъ, прислонясь къ притолкѣ и крѣпко зажимая глаза шапкой, мальчикъ весь вздрагивалъ отъ сдержанныхъ рыданій.

— Федоръ! да что ты! — испуганно пробормоталъ старикъ, хватая его за плечо.

Громкій и радостный хоръ причта заглушилъ и покрылъ его слова.

— Христось... воскресе, дѣдушка! — быстро выговорилъ сорвавшимся голосомъ Федоръ.

— Воистину, воистину воскресе!.. — отвѣтилъ Пантелей Парменьчъ, порываясь къ нему и крѣпко обнимая его. И съ веселымъ, взволнованнымъ лицомъ, быстро смаргивая свѣтлыя слезы, повторялъ въ то же время:

— Чего ты? О чемъ?.. Вона-а! Будя, батюшка, будя...

Родникъ.

Въ тайгѣ, въ глуши ея зеленой,
Всегда тѣснистой и сырой,
Въ крутомъ оврагѣ, подъ горой
Бьетъ изъ камней родникъ студеной:
Кипитъ, играетъ и спѣшитъ,
Крутясь хрустальными клубами,
И подъ вѣтвистыми дубами
Стекломъ расплавленнымъ бѣжитъ.
А небеса и лѣсъ нагорный
Глядятъ, задумавшись втиши,
Какъ въ свѣтлой влагѣ голыши
Дрожатъ мозаикой узорной.

Вечерняя
звѣзда.

Звѣзда надъ темными далекими
лѣсами

Всѣхъ ярче искрится, пре-
красна и грустна.

Въ прозрачномъ сумракѣ царить подъ небесами
Глубокая ночная тишина.

Молчанью тишины, какъ тайнѣ, я внимаю.

Не отрывая глазъ отъ звѣздной вышины,

И мнится, что опять душою постигаю

Таинственную рѣчь и звѣздъ, и тишины,—

Опять, какъ въ тѣ часы, когда глядѣлъ, бывало,

Ребенкомъ я въ ночной, весенній небосклонъ.

И рѣялъ надо мной спокойно и устало

Безгрѣшный дѣтскій сонъ,

А за плечомъ моимъ, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,

Стоялъ хранитель мой—и кроткая печаль.

Была въ его очахъ, задумчивыхъ и нѣжныхъ,

Безмолвно устремленныхъ вдаль.

Открыты жнивья золотыя,
И свѣтлой кажутся мечтой
Просторъ небесъ, поля пустыя
И день прохладный и пустой.

Орель, съ дозорнаго кургана,
Взмахнувшій въ этой пустотѣ,
Какъ надъ равниной океана
Весь четко виденъ въ высотѣ.

И на курганѣ одинокомъ
Сдержавъ горячаго коня,
Степь отъ заката до востока
Въ прозрачной дали вижу я.

Какъ низко, вольно и просторно
Степныхъ атакъ раскинутъ кругъ.

И какъ легко фатой узорной
Плывутъ два облачка на югъ!

Глубокъ земли погой безстрастный,
Пустая даль свѣтла, какъ сонъ,
А надъ всѣмъ—стеклянно-ясный,
Зеленоватый небосклонъ.

Пѣсни бури.

Слышишь, какъ бушуетъ море,
Разгулявшись на просторѣ?
Жутко въ морѣ! Звѣзды ночи

Закрываютъ въ страхѣ очи,
Тучи въ небѣ надъ волнами
Убѣгаютъ вдаль толпами,
Берегъ дикій и скалистый,
Окруженный тьмою мгlistой,
Весь гудитъ въ отвѣтъ прибою,
Истомленъ ночной борьбою...
Это вѣтеръ мчится въ морѣ,
Это вѣтеръ взбушевался
И съ волнами въ шумномъ спорѣ
Темной ночью разгулялся!

Слышишь гулкій, жуткій ропоть,—
Старой хвои шумъ и шопоть?
Точно море боръ бушуетъ,
Точно волны, завывая,
Раскачалась темъ лѣсная
И вздыхаетъ и тоскуетъ...

Стонуть сосны, ропщутъ ели,
Обнажились, почернѣли
Всѣ вершины въ чернолѣсьи...
Это вѣтеръ въ поднебесьи
Листья желтые разсѣялъ,
Поле листьями усѣялъ.
Это вѣтеръ на просторѣ
Въ чащахъ бора разгулялся,
И въ глухой тайгѣ, какъ въ морѣ,
Темной ночью взбуживался!

Тихо-тихо умирало
Лѣто знойное; устало
Солнце красное, склонялось
Съ каждымъ днемъ все дальне къ югу,
Точно знойному недугу
Безотвѣтно покорялось.
Пересохли въ желтыхъ травахъ
Водопои на атавахъ;
По лѣсамъ отъ суши лѣтней
Межъ деревьевъ все замѣтнѣй
Становились косогоры,
Опаленные на зноѣ;
Запылилъ свои уборы
Лѣсъ въ томительномъ позоѣ;
Безпощадно изсушило
Солнце живыя золотыя,
Пашни черныя и всходы;
Поблѣднѣли неба своды

Зори сдѣлались короче,
Тяжелы и душны ночи,—
Отошла краса природы!
И поднялся онъ, свободный,
Вѣчно юный и веселый,
Вѣтеръ Сѣвера холодный
На осенній трудъ тяжелый!
Слышишь? Точно въ рогъ туринный
Онъ трубитъ среди равнины
И гуляетъ съ пѣсней дикой,
Съ пѣсней вѣчной и великой:

«Жизнь есть вѣчное движенье,
Вѣчной смѣны красота;
Все мгновенно, все мечта,
Но бѣгущія мгновенья,
Смерть, зачатъе и рожденье—
Вѣчной жизни красота.
«Я, могучій и свободный,
Вѣтеръ Сѣвера холодный,
Прихожу къ вамъ своей чередъ.
Шумной бури дуновенье
Въ мѣръ не смерть, а возрожденье,
Воскресеніе несетъ!
«Поднимая въ морѣ волны,
Оживляю я въ волнѣ
Мѣръ подводный и безмолвный,
Мѣръ, доступный только мнѣ.

Тоть, кто молодь, — воскресаетъ
Въ часъ, когда мой ураганъ,
Разыгравшись, раскачаетъ
Темносиній океанъ.
Замерла бы безъ движенья
Въ мірѣ жизнь, когда бъ не я,
И природа обновленья
Ждетъ отъ солнца и меня.
По густымъ лѣсамъ бушуетъ,
Съ темнолиственныхъ вершинъ
Сѣмена ихъ разношу я
Посреди лѣсныхъ долинъ.
«Я въ лѣсахъ, какъ въ океанѣ,
Съ шумной пѣсней брожу
И въ нещадномъ ураганѣ
Листья мертвые кружу.
И отъ бури, отъ метели
Землю крою я листвою,
Чтобъ подъ нею уцѣлѣли
Корни нѣжные зимой.
Укрываю я снѣгами
Всходы нѣжныхъ зеленей,
Чтобы ихъ до вешнихъ дней
Не убило холодами.
А когда на дальній югъ,
Къ отдаленнымъ, теплымъ странамъ,
Мчатся птицы караваномъ, —
Помогаю имъ, какъ другъ.
Расправляю я имъ крылья,
Чтобы въ синей вышинѣ

Плавно, стройно, безъ усилія
Проносилися онѣ.
«И когда онѣ толпами
Возвратятся къ намъ весной,
Тучи съ теплыми дождями
Соберутся надъ полями,
Надъ оттаявшей землей.
Громъ побѣдно въ небѣ грянетъ,
Воскреситъ гроза поля —
И съ грозой опять воспрянетъ
Къ новой жизни — вся земля!..»

* * *

Не гляди же вдалъ съ тревогой,
Не страшися предъ несчастьемъ
И на трудъ за новымъ счастьемъ
Путь держи своей дорогой.
Гимнъ осенній, гимнъ суровый
Пусть звучитъ въ твоей груди,
И надежда жизни новой
Ярко свѣтитъ впереди.
Шумной бури дуновенье
Въ мірѣ не смерть, а обновенье,
Воскресенье несетъ.
Жизнь есть вѣчное движенье,
Жизнь зоветъ насъ всѣхъ впередъ!

Урожай.

Опять я дома. Конченъ путь,
И утомительный, и долгій...
Синѣетъ жирно степь за Волгой,
И хорошо здѣсь отдохнуть!
Отъ суеты столицъ уставъ,
Попалъ я точно въ заповѣдный
Край тихихъ рѣкъ, густыхъ дубравъ
И деревенской жизни бѣдной.

Привѣтъ тебѣ, родимый край!
Привѣтъ твоимъ шумящимъ нивамъ!
Пусть будетъ мирнымъ и счастливымъ
Твой лѣтній трудъ и урожай!

Гляжу и радуюсь, что нынѣ
Къ тебѣ такъ ласкова судьба,
Что небо такъ свѣтло и сине,
И, точно лѣсъ, шумятъ хлѣба.

Куда ни глянь,—на всемъ просторѣ
Степныхъ угодій и полей
Желтѣютъ волны спѣлыхъ ржей,
Струясь, какъ золотое море;

Куда ни глянь,—вездѣ кипитъ
Трудъ благодарный и веселый,
Сверкаетъ серпъ, коса звенитъ,
Въ ряды ложится хлѣбъ тяжелый.

А солнце съ неба жарко льетъ
Свои лучи, въ выси сверкая...
Привѣтъ тебѣ, родной народъ!
Привѣтъ тебѣ, страна родная!

С К И Т Ъ.

Были свѣтлыя майскія сумерки, когда я подъѣзжалъ верхомъ къ караулкѣ. Лошадь бодро и спокойно шла по узкой дорогѣ среди березоваго и дубоваго лѣса, полного свѣжей поросли осинокъ и орѣшника, и въ полусумракѣ ясно раздавался трескъ каждаго сухого сучка подъ копытомъ. Въ старомъ «заказѣ» все было молодо и зелено въ этотъ вечеръ, и соловьи нѣжно и отчетливо выщелкивали по сторонамъ, звонко перекликаясь съ эхомъ. Уже и солнце давно зашло, и алыя пятна заката слабѣли, сквозя по лѣсу, направо, но не было замѣтно, чтобы лѣсъ готовился ко сну. Горлинки журчали гдѣ-то поблизости, кукушка глухо и настойчиво куковала въ отдаленіи... Въ майскія ночи, когда, какъ говорить народъ, «заря зарю встрѣчаетъ», сонъ слабъ и недологъ, и до утра брезжить надъ землею тонкій полусвѣтъ...

А на полянѣ было и совсѣмъ свѣтло. Въ лощинѣ зеркаломъ стоялъ большой и полный прудъ, лѣсъ окружалъ поляну высокій и живописный, и налѣво, какъ разъ на-противъ широкаго блѣдно-алаго заката, рисовался надъ столѣтними березами и дубами блѣдный и прозрачный щитъ мѣсяца. Старикъ сидѣлъ надъ самымъ прудомъ, на

пнѣ, среди травы, и заботливо подбрасывалъ сухіе прутики въ жаркій и веселый костерчикъ, разведенный въ земляной печкѣ подъ котелкомъ. Какъ и всегда, онъ былъ «прибранъ» на случай смерти, т.-е. одѣтъ въ чистые, хотя и заплатанные, портки и рубаху, при чемъ замашныя онучи надъ лаптями были аккуратно подвязаны оборочками. Николаевскій солдатъ еще сохранился въ немъ, но было уже что-то покорное и глубоко-старческое во всей его фигурѣ. Онъ сидѣлъ, поставивъ на колѣни руки и положивъ въ ладони голову, смотрѣлъ на огонь, а самъ напѣвалъ тихимъ и тонкимъ, совсѣмъ женскимъ голосомъ.

— Или карасиковъ наловилъ, Милитонъ?—спросилъ я какъ можно привѣтливѣе, соскакивая съ лошади.

Но тутъ произошло то же, что и всегда: мирное одиночество было прервано, и старикъ поднялся во весь ростъ прямо и старчески-серьезно. Онъ не нахмурился, но стоялъ уже строгій и къ чему-то не торопливо, но безпрекословно готовый. Какъ и всегда, онъ мгновенно замкнулся, принялъ безстрастное выраженіе и такъ глубоко затаилъ свою постоянную печаль, что, казалось, никогда не узнаешь ея причины. Но печаль эта чувствовалась, и неловко было смотрѣть въ голубые, грустные глаза подъ сдвинутыми бровями и видѣть вмѣстѣ съ этимъ подтянутость и готовность исполнять приказанія. Росту Милитонъ былъ высокаго, фигура у него была худая и костистая. Густыя сѣрыя брови и усы, сходявшіеся на щекахъ со щетинистыми бакенбардами, а больше всего—пробритый подбородокъ придавали ему солдатскій видъ, но лысина, голубые слезящіяся глаза и

чистая крестьянская одежда, свидетельствующая о готовности лечь «подъ святые», когда угодно, говорили о кроткой, отшельнической жизни.

Когда картошки въ чугуничѣ стали сипѣть, Милитонъ потыкать въ нихъ сухой щепочкой и снѣлъ чугуничѣ съ огня. Огонь сталъ потухать, и только красная грудка жара свѣтилась въ земляной печкѣ. Возлѣ нея пахло сгорѣвшими дубовыми листьями, а когда старикъ сталъ чистить картошки, запахло такъ вкусно, что я попросилъ и себѣ парочку. И мы долго молча ужинали возлѣ неподвижнаго, потемнѣвшаго пруда, въ тишинѣ не погасавшей весенней зари. Закатъ алѣлъ нѣжно и прозрачно, и казалось, что за лѣсомъ разсвѣтаетъ, а надъ сумракомъ, который низко стоялъ надъ землею, долгодолго брезжило...

— Милитонъ,—спросилъ я съ юношескою простодушностью,—правда, тебя сквозь строй прогоняли?

— Правда-съ,—отвѣтилъ онъ тоже просто и кратко.

И лицо у него осталось все такимъ же безстрастнымъ, только въ глазахъ и скорбно сдвинутыхъ бровяхъ глубоко таилась давнишняя, непроходящая печаль.

Онъ ушелъ въ избу, а я долго сидѣлъ одинъ, глядя на свѣтъ зари и на тлѣющіе, раскаленные уголья. Появился онъ изъ сумрака неслышно и принесъ съ собою большой ломоть ржаного хлѣба, ножикъ, сдѣланный изъ старой косы, и горсть соли. Когда онъ клалъ все это на траву, я опять спросилъ:

— А правда, ты умѣешь заговаривать и отворять кровь?

— Когда рука была потверже, отворялъ,—отвѣтилъ онъ, съ трудомъ садясь на пень.

Нервно и ласково виляя хвостомъ, изъ сумрака появился и Крутикъ, маленькій, веселый, но отчаянно-злой, несмотря на свою ласковость. Онъ тоже сѣлъ возлѣ огня, съ удовольствіемъ зѣвнулъ и облизнулся и сталъ слѣдить глазами за каждымъ движеніемъ Милитона, чистившаго горячія разсыпчатыя картошки. Соловьи пѣли попрежнему, страстно и отчетливо заливаясь нѣжно-удалой пѣсней.

— Жена-то у тебя давно померла?—спросилъ я еще разъ.

— Восьмой годъ-съ. Да, вѣдь, ихъ у меня двѣ были.

— А дѣти?

— Дѣтей у меня шесть человекъ было.

— Живы?

— Нѣтъ-съ, четверо померло, двое осталось. Одинъ на Ворглѣ у барина Печаева служить, другой у лавочника на станціи.

И опять Милитонъ замолчалъ, со старческою осторожностью прожевывая горячую картошку. Я вглядывался въ его лицо, пока онъ сидѣлъ съ опущенными глазами, и опять рѣшилъ, что никогда не проникнуть мнѣ въ тайну его печальной молчаливости... Онъ кротко и беспомощно взглянулъ на меня,—я отвернулся. И такъ какъ мнѣ было тогда девятнадцать лѣтъ, то, помню, меня умилила и эта тихая ночь въ лѣсу, и грустный старикъ, всегда «прибранный» къ смерти, и его ужинъ. Лѣсъ, небо, дубовая караулка, пучки какихъ-то травъ и вѣничковъ въ сѣнцахъ подъ крышей между сухой листвою рѣшетника... На ногахъ старика лыковые лапти, на тѣлѣ—чистая замашная рубаха... Какъ хорошо и самому прожить такую же чистую и простую жизнь!

«Для кого онъ собираетъ и вяжетъ эти вѣнички?» думалъ я, внутренно улыбаясь. Вяжутъ ихъ изъ «перекати-поля» и у старосвѣтскихъ помѣщиковъ еще до сихъ поръ чистятъ ими платье. Они очень душисты, въ дѣствѣ я самъ собиралъ ихъ... Воспоминаніе объ этомъ и какая-то связь между воспоминаніями и Милитонемъ еще болѣе тронули меня, и я сказалъ, подымаясь:

— Совсѣмъ у тебя скитъ, Милитонъ!

Старикъ слабо улыбнулся.

— Въ скиту часовенки бываютъ - съ, — сказалъ онъ, бросая корки хлѣба Крутику, и залилъ водой изъ чугуничка уголья. Они зашипѣли и померкли. И тотчасъ же стало видно, что въ лѣсу воцарилась свѣтлая лунная ночь, что поляна освѣщена сіяющимъ мѣсяцемъ, а чащи почернѣли и отдѣлились отъ нея. И ночь казалась еще красивѣе и веселѣе оттого, что къ сѣверу за лѣсомъ теплилась вечерняя заря. Крутикъ, какъ только поужиналъ, тотчасъ же принялся за свою ночную работу. Онъ съ звонкимъ лаемъ хлопоталъ то тамъ, то здѣсь за караулкой, и было похоже, что весь лѣсъ полонъ злыми и неугомонными собачонками. Милитонъ зажегъ лампочку въ избѣ, настилая мнѣ на коникѣ сѣна, — окошечки подъ ея старой нахлобученной крышей засіяли, какъ два золотые глаза... Потомъ онъ вынесъ лампочку въ сѣни. Я вошелъ туда, и онъ опять улыбнулся мнѣ.

— А то вотъ-съ на мою коечку ложитесь, — сказалъ онъ, указывая глазами на свою кровать.

Подъ крышей въ сѣнцахъ мягко и фантастично переламливались наши большія тѣни, а въ углу, направо отъ входа, было устроено нѣчто въ родѣ парходной

койки на высокихъ ножкахъ изъ бревенъ. На ней было постлано сѣно, прикрытое попоной и возвышавшееся къ изголовью.

— Да какой теперь сонъ, — сказала я, — скоро ужъ и разсвѣтатъ станетъ.

— Скоро-съ, — согласился Милитонъ безстрастно.

И дѣйствительно, мы только подремали. Въ темной избѣ было прохладно, въ окошечки виднѣлись зеленоватые кусочки лунной ночи. Но что-то не давало мнѣ спать; достаточно было тонкаго напѣва комара, чтобы сонъ исчезалъ куда-то. Я слушалъ Крутика, соловьевъ, думалъ о чемъ-то, чего не вспомнишь, какъ всегда въ бессонную ночь... Не спалъ и Милитонъ. Его допимали блохи.

— Ну, ужъ погоди, окаянный, отучу я тебя спать подъ койкой! — бормоталъ онъ изрѣдка.

Потомъ онъ кашлялъ, вздыхалъ и что-то шепталъ... Наконецъ, послышались его шаги подъ окнами. Я высунулся изъ окна на прохладу ночного воздуха. Милитонъ меня не замѣчалъ. Онъ сидѣлъ на порогѣ, опустивъ голову, не спѣша растиралъ на ладони листовой табакъ и опять напѣвалъ грустнымъ, женскимъ голосомъ.

— Ахъ, Господи—Батюшка! — прошепталъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, покачивая головой и высѣкая огонь. И, закуривъ трубку, оперся на руку и запѣлъ внятно, хотя попрежнему мягко и задушевно. Слышно было, что рассказывалъ онъ въ пѣснѣ про зеленые сады и напоминалъ кому-то съ добрымъ укоромъ тѣ мѣста, гдѣ «скончалась - распрощалась ахъ да прежняя любовь»... А ночь такъ и сіяла. Все замерло, мѣсяцъ выбрался на

середину неба надъ самымъ прудомъ. Изрѣдка по водѣ что-то струисто поблескивало, точно по водѣ скользиль

серебристый ужъ. У противоположнаго берега воды какъ будто не было. Тамъ была свѣтлая бездна въ другое, подземное небо. Вѣковые березы и дубы стояли на бе-

регу и казались теперь выше, гуще и стройнѣе, чѣмъ днемъ. Таинственно въ росистой и темной чащѣ лѣса ночью! Но еще таинственнѣе былъ тотъ лѣсъ, который, вверхъ корнями, темнѣлъ подъ берегомъ, уходя внизъ вершинами. А направо уже занималась утренняя заря; небо тамъ стало стекловидно-зеленое, на опушкѣ лѣса, далеко въ полѣ, пачали свѣжо и отчетливо перекликаться перепела... Я закрылъ глаза... Когда же я очнулся, было уже свѣтло. Прудъ дымился, поляна посѣдѣла отъ холодной, крупной росы; зеленый лѣсъ неподвижно, но весело стоялъ вокругъ пруда, и зелень его была теперь еще какъ будто пышнѣе и гуще, какъ бываетъ только въ маѣ... Все точно умылось къ утру и ждало его въ спокойной и ясной тишинѣ. А потомъ въ окна потянуло свѣжестью, въ прудѣ заквакали лягушки, и пѣтухъ, выпукло и сильно захлопавъ крыльями, заоралъ въ сѣнахъ хриплымъ съ просонья басомъ. Милитонтъ, покорно согнувшись, шель отъ пруда съ тяжелымъ, полнымъ ведромъ, изъ котораго плескалась вода, и оставлялъ за собой длинный, свѣже-зеленый слѣдъ по сѣдой полянѣ...

Потомъ мы не видались съ нимъ долго. Я уѣхалъ лѣтомъ на югъ, а осенью за границу и совсѣмъ не замѣтилъ, какъ прошла осень. Изрѣдка только вспоминалась мнѣ Россія. И тогда она казалась мнѣ такой глухой, первобытной страной, что въ голову приходили Гостомысль, древяне, татарщина... Какая безконечная, темная, сырая осень! Тучи низко идутъ надъ полями и грязными поселками, и кажется, что дни превратились въ сплошныя сумерки. Въ туманномъ отъ мелкаго дождя полѣ одиноко сидитъ, нахохлившись, грачъ на пашнѣ, а на

межах вѣтеръ качаетъ бурьянъ. Въ голомъ, рѣдкомъ лѣсу почернѣла отъ дождя стѣна караулки, передъ порогомъ стоитъ огромная лужа, полная гнилыхъ листьевъ. Въ избѣ темно и сыро. А ночью бушуетъ въ лѣсу буря, и ночь длится чуть не двадцать часовъ. Какое нужно терпѣнiе, чтобы покорно пережить эту безконечную осень!

Когда я приѣхалъ въ Россiю, все было уже подъ снѣгомъ. Двое сутокъ поѣздъ мчалъ меня по снѣжнымъ равнинамъ и лѣсамъ. Въ Россiи былъ голодъ, но почти весь декабрь стояли хмурые дни, и густой иней нарасталъ подъ сѣрымъ и низкимъ небомъ на деревьяхъ и телеграфныхъ проволокахъ: это предвѣщало урожай. И первое, что сказалъ мнѣ на станціи нашъ кучеръ, было слово «иней». На меня пахнуло чѣмъ-то роднымъ, знакомымъ, и я весело вышелъ садиться въ сани.

Отъ иней посѣрѣли и стали кудрявыми шапки, бороды, лошади и тяжелая, холодная волчья полость въ саняхъ. Въ сумеркахъ сливались небо, воздухъ и глубокiе снѣга, завалившiе весь дворъ станціи. Я сѣлъ въ бѣгунки одинъ, послалъ впередъ троечныя сани съ вещами и приказалъ ѣхать веселѣе. Кучеръ, стоя въ саняхъ, перевалился, вмѣстѣ съ ними и лошадью за высокiй сугробъ на выѣздѣ въ поле и шибко погналъ по снѣжной дорогѣ. Я отсталъ.

Тогда мало-по-малу смѣшалось сѣрое небо съ сѣрыми полями, и я долго ѣхалъ въ хмуромъ сумракѣ. Морозило, — иней на межах наслѣлъ на бурьяны такъ густо, что они, какъ огромные серебряные папоротники, лежали, пригнувшись къ землѣ. Потомъ уже ничего нельзя было разглядѣть въ сѣдой мглѣ ночи. Чувствуешь только запахъ снѣга и слышишь какой-то шопотъ: это шуршатъ полозья. И

поминутно теряется представленiе о томъ, куда ѣдешь. Необыкновенно приятно пахнетъ въ это время сѣриками и табакомъ, когда закуливаешь! Теплый запахъ дыма такъ славно мѣшается съ свѣжимъ запахомъ отъ замерзшаго воротника шубы.

«Хорошо дома» — думать я, потрогивая лошадь.

Но вотъ во мглѣ на горизонтѣ стало свѣтлѣть. Пробиваясь сквозь нея, огненно-малиновымъ шаромъ, сталъ подыматься большой мѣсяцъ, еще мутный и перерѣзанный пополамъ лиловатой длинной тучкой. Подымаясь, онъ свѣтлѣлъ, оставилъ тучку ниже себя, а самъ становился все золотистѣе и прозрачнѣе, и, наконецъ, отъ лошади и саней обозначились направо тѣни. Когда же я подѣхалъ къ заказу, вѣхалъ въ сумракъ, лежавшiй отъ него по полю и фантастично испещренный узорами свѣта, — вся снѣжная даль направо была озарена ярко и сияла.

А въ лѣсу было сказочное царство. Въ морозномъ воздухѣ было такъ тихо, что я поѣхалъ шагомъ. Деревья въ пушистомъ инеѣ казались огромными; они стояли, низко опустивъ свои тяжелыя, кудрявыя вершины, а мѣсяцъ, какъ электрическiй свѣтъ въ оперной декораціи, серебрилъ ихъ. Порою, на снѣжной полянѣ, онъ смотрѣлъ прямо на меня, порою я вѣзжалъ въ сумракъ, и мѣсяцъ таинственно сквозилъ за сказочными, снѣжными деревьями... Но вотъ красновато-золотистой звѣздочкой засвѣтился огонекъ въ караулкѣ, и по всему чуткому, морозному лѣсу пошелъ звонкiй, разбѣгающiйся по чащамъ лай Крутика.

У дубка передъ караулкой я привязалъ лошадь, при чемъ съ дубка бенгальскимъ огнемъ сыпались искры снѣга, а Крутикъ извивался у меня подъ ногами. Потомъ я

постоялъ и послушалъ глубокую тишину лѣса, осторожно подошелъ къ завалинкѣ и заглянулъ въ верхній кусочекъ полузамершаго окна. И глухая, отшельническая жизнь старика снова поразила меня своей мужицкой древне-русской суровостью. Въ глубинѣ слабо освѣщенной, закопченной избы онъ стоялъ передъ иконой

и, закрывая глаза, кланялся ей въ поясъ, точно сокрушаемый великими грѣхами. Должно быть, онъ только что выкупался, — конечно, въ ледяныхъ сѣнцахъ, гдѣ рѣшетникъ въ инеѣ сверкалъ при лампочкѣ своею серебряною бахромою... Рѣдкіе волосы его были мокры и причесаны, подбородокъ чисто пробритъ, длинная бѣлая рубаха аккуратно подпоясана. И когда онъ закидывалъ назадъ голову и долго стоялъ такъ съ закатившимися подъ лобъ глазами, я видѣлъ на его лицѣ такую старческую скорбь, такую радостно-грустную готовность принять тихую, желанную смерть, какихъ я еще никогда не видалъ прежде.

Говорилъ онъ опять мало, хотя былъ ласковъ. Въ избѣ было тепло и сыро, какъ въ банѣ, я сидѣлъ, скинувъ шубу, на лавкѣ у столика. А старикъ стоялъ передо мною, отвѣчать не спѣша и все прикрывалъ глаза. Наконецъ, уже собираясь уѣзжать, я какъ будто мимоходомъ спросилъ:

— Миштонъ, отчего это ты такой скучный?

Онъ удивился.

— Я-съ? — спросилъ онъ растерянно. — Я ничего-съ... Известно, старость.

— Или горе у тебя какое? — сказала я, взглядывая ему въ глаза.

— Избавь Богъ-съ! — сказала онъ поспѣшно. — Я ка-раулю-съ...

— Да нѣтъ, я не про то, — сказала я, смутившись. — Я такъ спросилъ...

Онъ понялъ, успокоился и нѣжно улыбнулся, прикрывая глаза.

— А я думалъ обида какая-съ, — сказала онъ ласко-

во.—А что я не веселый, так какое же веселье? И грѣховъ много-съ...

Я перебилъ его:

— Какіе же у тебя грѣхи, Милитонъ?

— Грѣхи-съ у всякаго есть,—сказаль онъ со вздохомъ, кротко и серьезно.—На то и живемъ-съ, чтобы за грѣхи покаяться.

— Да ты и то какъ святой живешь, — сказала я, улыбаясь.—Ты вонъ постишься цѣлый вѣкъ...

Онъ опять удивился и даже слегка нахмурился.

— Ъмъ-съ, какъ всѣ,—сказаль онъ скороговоркой.— Живуть хуже моего-съ, всѣ такъ живутъ...

Я вздохнулъ и сталъ надѣвать шубу.

— Ну, прощай,—сказаль я, отворяя дверь на морозный воздухъ лунной ночи.

Морозито крѣпко, и Большая Медвѣдица, какъ брильянтовая, висѣла по небу надъ снѣжной поляной. Милитонъ безъ шапки и въ одной рубахѣ стоялъ на порогѣ.

— Прощай, Милитонъ,—сказаль я, садясь въ санки.— Иди въ избу, простудишься!

— Ничего-съ,—смирненно отвѣтилъ Милитонъ.—Счастливой дороги-съ.

Лошадь въ свѣтломъ полѣ бѣжала шибко и бодро, полозя пѣли и визжали по затвердѣвшему снѣгу; вѣтеръ съ сѣвера слегка обжигаль лицо, сковывая усы и рѣсницы. Я отвертывался отъ него, прикрываясь воротникомъ, и машинально повторялъ:

— Всѣ такъ живутъ!

